

АНАЛИЗ ПРИЧИН ТЕРРОРИЗМА КАК ОСНОВА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Работа представлена кафедрой политологии РГПУ им. А. И. Герцена.

Эффективная контртеррористическая политика невозможна без выявления источников терроризма. В статье раскрываются основные подходы к определению причин современного терроризма, показана противоречивость существующих теорий и концепций, что затрудняет объективную оценку происхождения данного политического феномена. Предлагается проводить соответствующий анализ на четырех взаимосвязанных уровнях – индивидуума, организации, государства и международной системы. Соответственно на каждом из этих уровней дается краткая характеристика наиболее интересных исследований терроризма и вытекающих из них для контртеррористической политики выводов. Знакомство со всем спектром аналитических идей и концепций позволяет ученым и политикам избежать односторонних суждений и препятствует тенденции к упрощению крайне сложной ситуации с принятием политических решений по противодействию современному терроризму.

Ключевые слова: *источники терроризма, контртеррористическая политика, многоуровневый анализ, принятие политических решений.*

I. Luppov

ANALYSIS OF TERRORISM SOURCES OF AS A COUNTERTERRORISM BASIS

Effective counterterrorism is not possible without an accurate analysis of the sources of terrorism. The article provides an insight into the issues surrounding terrorism's origins, examining the range of explanations and revealing the analytical biases that hamper the search for answers. The author uses the device of dividing the field into four levels of analysis – an individual, an organisation, a state and an international system – explaining prominent areas of terrorism research and important conclusions at each level. The purpose of the study is to review the knowledge of sources and to demonstrate that common popular and scholarly explanations draw mainly from one analytical framework and slight the other three. Becoming aware of the full range of ideas and perspectives in the literature on the sources of terrorism

would enrich the thinking of academics and policy-makers. It also would highlight the oversights or oversimplifications that are distorting their choices.

Key words: *sources of terrorism, counterterrorism, multi-level analysis, political decision-making.*

Несмотря на то что проблемам политического насилия, в том числе непосредственно терроризму, посвящено множество работ, единство по вопросу причин, вызывающих его к жизни, не достигнуто. Однако именно выявление причин терроризма является ключевым моментом в процессе выработки стратегии контртеррористической деятельности. Неправильная оценка в этом вопросе может привести к трагическим политическим последствиям.

Терроризм представляет собой объект междисциплинарного исследования, поскольку причины, порождающие его, весьма разнообразны и представляют собой сложную совокупность различающихся по своей природе переменных. Отсюда – необходимость взаимодействия специалистов в различных сферах человеческого знания. Более того, проблема изучения терроризма и, соответственно, планирования антитеррористической деятельности связана, на наш взгляд, с необходимостью выделения различных уровней анализа, на которых необходимо проводить анализ причин терроризма, что, в свою очередь, даст возможность выявить ошибки и недоработки государства и институтов гражданского общества.

Представляется, что подобного рода анализ должен проводиться на четырех основных уровнях.

Первый уровень: роль индивидуума. На этом уровне в центре внимания находятся факторы, оказывающие влияние на поведение отдельного человека. Изучение поведения отдельного террориста получило широкое распространение с середины XX в. и было напрямую связано с развитием бихевиоризма в западной, прежде всего американской политической науке. Анализ источников терроризма на индивидуальном уровне представляет собой междисциплинарное исследование на пересечении психологии, социологии, криминологии и политической науки.

С одной стороны, изучаются внешние факторы, которые приводят индивидуума к решению принять участие в террористической деятельности. С другой стороны, необходимо определить те личностные характеристики, которые делают одних людей более склонными к терроризму, чем других. С точки зрения выстраивания антитеррористической стратегии, особый интерес на этом первом уровне представляют четыре основных момента: изучение психологии отдельных террористов, изучение «портретов» террористов (и будущих террористов), изучение условий, которые спровоцировали или сделали возможным обращение индивидуумов к террору, и исследование наиболее отчетливо заметных характеристик лидеров террористов и их последователей.

Значительной популярностью пользуется точка зрения, что терроризм представляет собой психологическую патологию или отклоняющееся от нормы поведение индивидуумов. Из этого вытекает, что если удастся нейтрализовать психически неполноценных индивидуумов – будь то лидеры или их последователи – тогда наиболее важные источники современного терроризма будут резко сокращены. В соответствии с этим политика должна быть направлена на арест или уничтожение исполнителей и захват или уничтожение их лидеров – не только для того, чтобы преступников постигла справедливая кара, но и для того, чтобы уничтожить сами источники девиантного поведения.

Учеными разных стран проведено значительное число исследований в этой области, хотя многое еще предстоит сделать. В России в этом плане особо выделяется комплексное исследование, осуществленное Институтом гуманитарного образования и Академией права и управления Федеральной службы исполнения наказаний [1].

Наибольший интерес вызывает вопрос о том, является ли террористическое поведение

результатом рационального выбора, сделанного на основе тщательного анализа соотношения затрат и выгоды, или же оно вызвано психическими силами, над которыми сам террорист не властен. Последнее может включать в себя эмоциональное потрясение, испытанное в детстве, ничем не сдерживаемое желание действовать, фрустрацию по поводу вопросов идентичности и т. п.

Вполне объяснимо стремление отделить террористов от «нормальной» части человечества, однако, несмотря на широкое распространение разговоров о «бессмысленном» насилии, осуществляемом «безумными» террористами, существуют убедительные научные свидетельства того, что они, на удивление, «нормальны» по своим психологическим характеристикам и поведению, предшествовавшему свершению актов насилия. Даже террористы-самоубийцы, по которым проведены многочисленные исследования, в целом обладали нормальной психикой.

Действительно важным оказывается то, что фрустрации или таланты психически нормальных людей приводят к отчаянию и насилию часто в результате давления окружающих или лояльности по отношению к группе или потребности в принадлежности, но это не является индивидуальной психической ненормальностью.

С вопросом о состоянии психики террориста связан и крайне важный вопрос о том, возможно ли заранее по каким-то симптомам выявить тех людей, которые в большей степени могут оказаться склонными к террористическому поведению. Если существует определенный психологический «портрет» потенциального террориста, то появляется возможность раннего выявления подобного рода лиц и тем самым предотвращения террористического акта. В этом направлении усилия предпринимались неоднократно. Так, с демографической точки зрения, в прошлом делался вывод о том, что обычно террористами бывают молодые неженатые мужчины, достаточно образованные, но с весьма ограниченными социальными связями и жизненными перспективами.

Применительно к членам Аль-Каиды, осуществившим теракты 11 сентября 2001 г.,

были сделаны многочисленные попытки понять, что заставило таких «разных» 19 человек действовать подобным образом. Этот интерес носил не столько академический характер, сколько желание иметь какие-либо данные, которые могли бы помочь в предотвращении подобных атак в будущем. К сожалению, необходимо констатировать, что в реальной практике антитеррористической деятельности использовать подобного рода «портреты» можно лишь крайне ограниченно и понимать всю их условность и приближенность.

Другой вопрос, рассматриваемый на этом уровне, касается того, какие условия внешней среды способствовали обращению человека к террористическому насилию. Много написано по поводу связи между объективными условиями существования, такими как бедность, отсутствие или недостаток образования, политическое лишение гражданских прав, с одной стороны, и обращением к терроризму с другой.

Так, например, уже очевидно, что социализация молодых мужчин в медресе в Пакистане и Афганистане приводит к формированию контингента потенциальных террористов, преданных делу ислама (в их понимании), и оставляет мало вероятным для них другой жизненный путь. В этом случае предлагается оказывать такого рода людям помощь, давать образование и профессию, которые бы направили их энергию в более продуктивном направлении и сделали бы для них возможными иные жизненные сценарии.

В то же время исследования показывают, что люди могут реагировать на условия социальной депривации по-разному. Так, например, Питер Лупша утверждает, что ключевым фактором обращения к террористической деятельности является то, насколько социальные условия порождают в человеке чувство негодования [5, с. 99]. Иначе говоря, не столько важны объективные условия жизни, сколько ощущаемая индивидом разница между тем, что он имеет и чего он заслуживает (в материальном или политическом плане). В работе Луиджи Бонанте это чувство гнева интерпретируется как проявление неудовлетворенных амбиций, когда стремя-

щиеся к продвижению на социальный верх индивидуумы заблокированы в своих попытках ретранслировать свои способности и возможности в политическую власть [3, с. 201]. Если эти теории справедливы, то предоставление помощи, которая может не привести к быстрому личностному прогрессу, потенциально способно только еще больше дестабилизировать общество. Не исключено, что фрустрации и гнев могут получить еще большее распространение. К сожалению, научные исследования не дают однозначного ответа на этот вопрос и, соответственно, у политиков остается в связи с этим много вопросов.

Действительно, если причиной терроризма являются тяжелые условия жизни, то оказываемая правительством помощь может помочь в снижении террористической активности. Если же источником является «негодование» или «заблокированные амбиции», то вопрос об обеспечении социальной мобильности части населения становится более сложным. Необходимо подчеркнуть фундаментальную политическую природу этой угрозы. Следует учитывать, что «негодование» и фрустрация могут быть присущи не только индивидуумам, но и целым нациям, которые могут со временем массово радикализироваться в результате непродуманных действий со стороны других государств, на чем мы более подробно остановимся, говоря о четвертом уровне анализа. Терроризм представляет собой и психологическое оружие. В условиях глобальной системы коммуникаций «негодование» – не просто проявление чувств индивидуума, оно может оказаться гораздо более «заразным», чем в прошлом.

На индивидуальном уровне также возникает важный вопрос о психологических и социологических различиях между индивидуумами, которых рекрутируют для участия в политическом насилии, и их лидерами. Делать какие-либо обобщающие выводы по поводу лидеров, которые представляют собой крайне узкий круг лиц, еще более сложно и проблематично, чем относительно их последователей. Этот вопрос требует еще очень значительной исследовательской работы. Представляется очевидным, например, что в

случае с Аль-Каидой индивидуальные характеристики лидеров и рядовых членов весьма далеки друг от друга. Пример Усамы бен Ладена с его огромным состоянием, высоким уровнем образования, связями с королевской саудовской семьей и личностной харизмой, безусловно, является не типичным. В любом случае представляется, что в отношении лидеров и рядовых членов террористических организаций следует проводить дифференцированную политику. Тем более что и кроме бен Ладена существовало и существует множество других лидеров, которые ни коим образом не подпадают под стереотип несчастных, отчаявшихся или сумасшедших индивидуумов, обратившихся к терроризму. В любом случае, поскольку двигать лидерами и рядовыми террористами могут различные причины, то крайне важно определить истинные мотивы обращения к террористической деятельности и в соответствии с этим определить политику нейтрализации соответствующих факторов. Отсюда – необходимость второго уровня анализа: террористической группы или организации.

Второй уровень: группа или организация. Любое понимание причин терроризма должно включать в себя значительное внимание к динамике группы или организации. Многие исследования, проведенные за последние годы, подтверждают тот факт, что терроризм, главным образом, представляет собой групповой вид деятельности, понять который невозможно без обращения к таким концептам, как разделяемые идеологические взгляды и групповая идентичность. Здесь речь идет не только о выявлении внутригрупповых предпосылок перехода к осуществлению политического насилия, но и понимании структуры и характера функционирования группы (или нескольких связанных между собой групп), что является одним из ключевых условий эффективной антитеррористической деятельности по разрушению и уничтожению подобного рода групп.

Поскольку, как мы уже отмечали, большинство террористов являются психологически нормальными людьми, то именно групповая идентичность позволяет понять меха-

низм оправдания насилия в отношении невинных людей, разделения вины между многочисленными членами группы и обесценивания человеческой ценности врага (прежде всего предполагаемых жертв). Индивидуальные члены группы видят себя как часть общего, большого дела, что обеспечивает рационализацию действий, на которые в противном случае они бы, скорее всего, не пошли. Отношение индивидуума к группе часто играет ключевую роль в понимании генезиса индивидуальных террористических замыслов, а также более долговременного сохранения угрозы. Отсюда необходимость взломать код этой системы верований для того, чтобы понять источники терроризма.

Практический вывод, который следует из этого понимания генезиса терроризма, заключается в том, что, определяя антитеррористическую политику, правительство должно осознавать, что его действия могут подпитывать веру террористов в правоту своего дела, что, естественно, вступает в прямое противоречие с целями борьбы с терроризмом и может затруднить само уничтожение террористической группы. Так, например, ракетные обстрелы в 1998 г. тренировочных лагерей Аль-Каиды в Афганистане и фармацевтической фабрики в Судане, хоть, возможно, и было вполне справедливым ответом на террористические акты в отношении посольств США в Африке, только способствовали укреплению убеждения о враждебности США всему исламскому миру и героизации бен Ладена в глазах его реальных и потенциальных последователей.

Конечно, при проведении подобного рода антитеррористических акций нужно учитывать и целый ряд других факторов, включая восприятие их союзниками и общественным мнением в собственной стране, однако **стратегия** борьбы с терроризмом должна строиться в первую очередь с учетом долговременного эффекта, который оказывается тактическими действиями на групповую идентичность врага и его организационную сплоченность.

Другой важный аспект анализа на втором уровне – это структура и функциониро-

вание самой группы. В прошлом террористические организации обычно представляли собой закрытые, тайные ячейки с иерархической структурой лидерства и регулярными контактами между ее членами. Поэтому большинство исследований было сфокусировано на динамике взаимоотношений между членами, что позволяло использовать полученные данные для оценки мотивации террористических атак, уязвимости иерархии, слабости организационной структуры и т. п.

Однако многие современные исследователи подчеркивают, что террористические организации XXI в. претерпели существенные изменения. Они все больше ориентируются на децентрализованную, не-иерархическую структуру ячеек, связанных между собой технологически, например, при помощи Интернета и сотовой связи, и вдохновленных общей идеологией или религией. Соответственно новые структуры менее зависимы от внутриорганизационной динамики для поддержания своей активности.

С практической точки зрения, можно выделить несколько ключевых моментов, вытекающих из этих изменений. Во-первых, составляющие организацию ячейки, действующие независимо друг от друга, намного сложнее уничтожить; уничтожение лидеров оказывает лишь ограниченное влияние на функционирование организации в целом. Во-вторых, не существует ярко выраженного «центра тяжести», поэтому практически невозможно определить наиболее уязвимые точки организации. Вместо того чтобы направить удар против цели, уничтожение которой приведет к распаду всей террористической организации, приходится по отдельности уничтожать каждую ее ячейку. В-третьих, идеологии, мотивирующие создание и функционирование этих «террористических сетей» имеют широкое распространение. Особенно тревожной является связь между терроризмом и религией, поскольку в этом случае террористические действия вдохновляются не конкретным лидером, а верой в свое высшее предназначение.

Технологические связи между членами организации (или даже потенциально члена-

ми других организаций, ориентированных на выполнение той же миссии) в значительной степени пришли на смену обычному личностному взаимодействию, которое можно отследить или нарушить. Наконец, на международной арене сетевые организации могут быть более автономными акторами, чем те, которые ориентируются на «спонсорство» какого-либо государства.

В результате изменений, ставших возможными благодаря глобализации и информационной революции, противостоять новым террористическим организациям с помощью традиционных политических инструментов намного сложнее. Очевидным становится тот факт, что против сетевой организации невозможно использовать какой-либо один инструмент: для достижения успеха необходимо их тщательно продуманное сочетание.

Все вышесказанное относится к изменениям, касающимся организаций, напрямую не связанных с каким-либо государством. Однако бывает, что динамика развития организации является следствием контроля, влияния или воздействия на нее со стороны государства. Особенно в 1980-е гг. терроризм стал механизмом, используемым (как правило, тайно) рядом государств для достижения своих внешнеполитических целей без риска начала открытых военных действий и, соответственно, риска ответного удара. Государство продолжает быть наиболее мощным актором на международной арене, и в деятельности террористов можно предполагать влияние государства. Отсюда – необходимость третьего уровня анализа.

Третий уровень: роль государства. Многие исследователи и политики сосредотачивают свое внимание именно на роли государства в инициировании и поддержке международного терроризма. Считается, что в современной мировой политике государства представляют собой наиболее опасные источники терроризма, поскольку именно они обладают наибольшими ресурсами, включая оружие, деньги и людей, а также наиболее мощной мотивацией к использованию терроризма как средства для нанесения ущерба более сильному государству. Хотя многочис-

ленные террористические атаки были осуществлены без прямой поддержки со стороны какого-либо государства, многие наблюдатели по-прежнему продолжают верить в то, что спонсируемый государством терроризм представляет в настоящее время наибольшую угрозу интересам и безопасности союзников по антитеррористической коалиции.

Политические решения, вытекающие из этой позиции, очевидны. Наиболее эффективным ответом на международный терроризм является удар по государствам, которые ранее были уличены в спонсировании международного терроризма для того, чтобы снизить угрозу терроризма в целом в мире. При этом наиболее важно проводить такую политику, которая препятствовала бы созданию или развитию производства и накопления оружия массового поражения (ядерного, химического, биологического и радиологического) этими государствами.

Государственно поддерживаемый терроризм был и остается смертельно опасным вызовом; однако существуют основания полагать, что в новом тысячелетии он трансформируется в еще более опасное явление. В конце XX в. начался процесс постепенного ухода от прямой государственной поддержки терроризма к более аморфным группам, часто имеющим доступ к ресурсам государства, но во все большей и большей степени не находящимся под контролем этого государства. Если в прошлом развитие передовых технологий в области разработки оружия массового поражения требовало использования ресурсов государства, то теперь это уже не есть непреложный факт.

Наряду с тем, что сохраняются прежние угрозы (особенно это касается этнонационалистического терроризма), наблюдается и резкий рост религиозно мотивированного негосударственного терроризма – с не до конца понятными целями и манихейской тенденцией отделять «верующих» от всех остальных. Это ведет к серьезной обеспокоенности потенциальным масштабом и беспрецедентной жестокостью террористических атак, не сдерживаемых более долговременными интересами государства.

Несмотря на это, например, американская политика в кампании против международного терроризма отражает жесткую сконцентрированность на модели государственного спонсорства и контроля над международным терроризмом. С этой точки зрения, она выглядит анахронизмом и не соответствует реальному развитию событий. Устоявшаяся привычка концентрировать внимание на войне между государствами и сложные негибкие бюрократические структуры, которые были созданы с этой целью, в определенной степени отвлекают внимание политиков от нетрадиционной и беспрецедентной угрозы. Международный терроризм, представленный Аль-Каидой и связанными с ней группами, обладает потенциалом ослаблять целостность и ценность самого государства как политического института, угрожать его суверенитету и легитимности.

На этом уровне анализа также утверждается, что важным источником терроризма является внутренний коллапс некоторых государств, которые в последние годы в политической науке и практике стали относить к категории так называемых «несостоявшихся государств». Эта точка зрения отражает тот факт, что тренировочные лагеря, бизнес, предприятия и штаб-квартиры Аль-Каиды находились на территории таких государств, как Судан и Афганистан. Идея заключается в том, что функционирующие государства должны нести ответственность за террористические акты, которые проводятся теми организациями, которых они «приютили» на своей территории. Однако с точки зрения источников терроризма, точнее было бы сказать, что «несостоявшиеся» государства облегчают деятельность террористов, а не являются его причинами. Они обеспечивают желаемую автономию террористам и являются привлекательными мишенями; по самому определению эти государства не в состоянии контролировать ту территорию, на которой оперирует группа. Наиболее близким к причинам является тот факт, что в этих странах существует огромный потенциал для рекрутирования будущих террористов среди нищего населения, искомое более бла-

гополучными в материальном плане террористами.

К данному же, третьему, уровню анализа относится и вопрос о взаимосвязи между терроризмом и демократией. Энтузиазм по поводу политической системы США, идеалистическая убежденность в том, что американская модель может и должна внедряться повсеместно, ведет к тому, что несправедливости со стороны авторитарных режимов признаются одним из главных источников терроризма. Точка зрения заключается в том, что недостаток свобод, таких как право голоса, свобода слова, гендерное равенство и равный доступ к возможностям занятости ведут к фрустрации, которая оборачивается терроризмом. Исходя из такого понимания ситуации, в качестве решения проблемы международного терроризма рассматривается распространение демократических институтов и большей свободы среди народов Ближнего Востока и Южной Азии.

Взаимосвязь между демократией и терроризмом является важной для понимания источников терроризма XXI в. по целому ряду моментов.

С одной стороны, многие аналитики утверждают, что террористическая угроза, идущая из региона Ближнего Востока и Персидского залива, является ответом на направление политического недовольства в религиозные каналы, которые в свою очередь обрабатывают фрустрации людей по поводу природы своих собственных режимов в насилие, направленное против США. Поскольку поддержка коррумпированных арабских режимов, не говоря уж о поощрении действий Израиля против палестинцев, некоторыми воспринимается как лицемерие, США становятся объектом ненависти. Если американская политика направлена на развитие демократии в арабском мире, включая палестинскую демократию, то будет достигнут двойной положительный эффект – более справедливое общество для народов Ближнего Востока и возможность выражения своего политического несогласия менее деструктивным способом. Подобной точки зрения придерживаются не только американские специалисты,

но и ряд исследователей из самого арабского мира.

С другой стороны, анализ политической практики демонстрирует тот факт, что терроризм более развит в демократических государствах, чем при иных политических режимах.

Кроме того, следует делать различие между тем, где были осуществлены террористические акты, и тем, где зародилась группа. В XX в. группы, ответственные за теракты, обычно (за редким исключением) были родом из этих же мест. Сегодня это не так. Анализ эволюция терроризма в XXI в. позволяет предполагать, что террористические действия и их источники начинают расходиться в пространстве. На сегодняшний день, к сожалению, говорить о несовместимости терроризма и демократии пока не приходится. Таким образом, просто строить государственную политику на том предположении, что усиление демократических основ жизни общества автоматически приведет к снижению уровня террористической угрозы, не представляется эффективным.

Четвертый уровень: международная система. Роль системы международных отношений в активизации терроризма XXI в. представляет собой, пожалуй, наибольшую сложность для анализа, однако именно в этой сфере политологами и специалистами-международниками были в последнее время выдвинуты наиболее интересные гипотезы.

Прежде всего, конечно, следует отметить идею Самюэля Хантингтона о существовании все возрастающей фундаментальной культурной и идеологической несовместимости между исламским миром и Западом, которая приведет к тому, что на смену противостоянию в «холодной войне» развернется глобальная конфронтация между силами воинствующего ислама и западной моделью современности [2]. Эта концепция подводит к выводу о том, что источники угроз, исходящих от таких организаций, как Аль-Каида и связанных с ней групп (некоторые используют для их обозначения термин «исламский джихад»), носят в своей основе религиозный, культурный и системный характер. Они вы-

ходят за рамки национального государства и могут быть лучше объяснены в терминах международного идеологического движения.

Если источником современной угрозы терроризма является в первую очередь какое-либо международное движение или идеология, то ситуация в ближайшее время будет только усугубляться, и возможности анти-террористической государственной политики оказываются резко ограниченными. Однако вся проблема упирается именно в это «если», поскольку некоторые действия, предпринятые государствами на основе этого предположения, как раз и могут спровоцировать подобное столкновение.

Кроме того, нельзя концентрировать свое внимание лишь на наиболее громких террористических актах. В различных регионах современного мира, в том числе в Европе и США, существует террористическая активность, никак не связанная с исламом. И хотя количество ультралевых и ультраправых групп несколько сократилось за последние годы, вдохновляющие их идеологии не только не исчезли, но и могут снова стимулировать террористическую активность, особенно в условиях разворачивающегося глобального экономического кризиса. Что же касается этнонационалистических/сепаратистских группировок, то они не только не снизили свою активность, но во многих случаях после окончания «холодной войны» вышли на новый уровень деятельности.

Второе объяснение причин международного характера терроризма предлагает Марта Креншоу, которая утверждает, что недавние террористические акты являются результатом экспансии гражданской войны на международную систему. Она считает, что причиной растущей антиамериканской террористической активности является роль, которую играют США на международной арене. Терроризм в той форме, в которой он проявился 11 сентября 2001 г., с ее точки зрения представляет собой «стратегическую реакцию на американскую мощь в контексте глобализирующейся гражданской войны» [4].

Если Креншоу права, проецирование внутреннего гражданского конфликта на международный уровень в виде терроризма

может стать постоянной проблемой для всего мирового сообщества. Те острые конфликты, которые ранее происходили в границах непосредственно к ним относящихся территорий или регионов, и напрямую направленные против своих собственных или прилегающих государств, начинают интернационализироваться.

Эта концепция представляет значительный интерес для определения контртеррористической политики. Если внутригосударственные проблемы превращаются в угрозы для мировой системы, то последняя и должна принимать значительно более активное участие в решении этих проблем, которые ранее относились исключительно к сфере суверенитета государства. Все это требует беспрецедентной координации усилий государств на международной арене.

Наконец, третий концептуальный подход заключается в том, что современный терроризм представляет собой реакцию на интернациональные силы глобализации. В данном случае под глобализацией понимается постепенно усиливающийся процесс интернационального взаимопроникновения в экономической, политической, социальной сферах и сфере безопасности, находящиеся вне контроля суверенного государства. С этой точки зрения, глобализация в формах, включающих в себя вестернизацию, секуляризацию, демократизацию, консьюмеризм и рост рыночного капитализма, представляет собой вызов консервативным культурам, которые сопротивляются этим переменам или, по крайней мере, тем бедам и несправедливостям, которые неизбежно происходят под их действием.

В соответствии с этой гипотезой и цели и средства международного терроризма оказываются побочным продуктом глобализации. Средства включают в себя использование новых технологий, беспрецедентное передвижение террористических групп через государственные границы и изменения в источниках поддержки: ранее, главным образом, со стороны местных жителей, теперь к гораздо более интернационализованному кругу сочувствующих и помогающих. С этой точки зрения, антиамериканизм тесно связан

с антиглобализмом, потому что главной движущей силой глобализации выступают США. Цели по большей части включают в себя удары по США, лидера монополярного мира, а также по другим символам западной модернизации.

Как и гипотеза о гражданских войнах, эта теория требует международного, скоординированного ответа, нацеленного на предотвращение реализации этих угроз с помощью новых территориальных или технологических средств. Глобализация терроризма требует системного ответа с использованием достижений глобализации против террористической эксплуатации этих каналов. Однако, несмотря на то что многие исследователи в настоящее время указывают на связь между глобализацией и терроризмом в меняющейся международной системе, многое в этой взаимозависимости требует дальнейшего выяснения.

Таким образом, изучение концепций, используемых на различных уровнях анализа источников современного терроризма, позволяет нам сделать очевидный вывод о том, что при разработке антитеррористической государственной политики необходимо учитывать их все. Терроризм представляет собой слишком сложный и многогранный политический феномен, чтобы можно было ограничиться каким-либо одним концептуальным подходом.

В то же время в реальной жизни мы часто встречаемся с тем, что при принятии политических решений ограничиваются лишь одним уровнем анализа. Так, например, исходя из приоритетов первого уровня, в качестве первостепенной цели для нейтрализации террористических угроз правительством США была выдвинута задача поимки Усамы бен Ладена, что отодвинуло на второй план учет таких факторов, как сила организации и возможная реакция со стороны потенциальных рекрутов (второй уровень). Представляется, что в политическом плане необходимо было сопоставить очевидный успех от выполнения поставленной задачи с теми негативными последствиями, которые неминуемо бы проявили себя. И, соответственно, не

отказываясь от необходимости поимки бен Ладена, заранее готовиться нейтрализовать ее последствия.

На втором уровне анализа антитеррористическая политика не всегда учитывает специфику идей и верований, преобладающих в террористической группе. В этом случае видение мира, господствующее в среде террористов, может быть только укреплено, например, проведением военных операций, усиливающих уверенность в том, что вооруженная борьба есть единственный способ выжить. Планирование военных операций в соединении с другими политическими инструментами, такими как публичная дипломатия и иностранная помощь, может оказаться гораздо более эффективным в снижении уровня готовности группы к насилию. Использование такого рода невоенных инструментов должно планироваться заранее.

На третьем уровне анализа сконцентрированность на роли государства в спонсировании терроризма может делать политиков слепыми по отношению к дисперсному характеру организации Аль-Каиды и ее относительной автономии по отношению к традиционным территориальным, финансовым и логистическим ресурсам государства. Существует опасность, что прямые атаки против действительных или потенциальных государств-спонсоров в по-

пытке уничтожить международный терроризм могут привести к анахроническому взгляду на терроризм XXI в., которому свойственны новые характеристики.

На четвертом уровне анализа увлеченность такими факторами, как глобализация и столкновения культур, может затруднить объективный анализ источников конкретных видов современного терроризма. Принятие политических решений на основе непроверенных утверждений о глобальных причинах международного терроризма представляется не слишком мудрым и рискует быть идеологически мотивированным, а не аналитически выверенным. Исследования терроризма на этом уровне все еще носят зачаточный характер и порой совершенно не учитывают выводы, сделанные на других уровнях.

Терроризм представляет собой крайне сложное явление, имеющее, на наш взгляд, мультикаузальный характер. Поэтому каждое конкретное проявление террористической деятельности требует глубокого, базирующегося на учете различных концепций, междисциплинарного изучения, которое позволило бы определять антитеррористическую политику государства, на основе максимально объективного знания, с учетом накопленного различными государствами опыта борьбы с терроризмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антоян Ю. М.* Этнорелигиозный терроризм. М.: Аспект Пресс, 2006.
2. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003. 603 с.
3. *Bonante L.* Some unanticipated consequences of terrorism // *Journal of Peace Research*, 16(3). 1979. P. 197–211.
4. *Crenshaw M.* The War on Terrorism: Is the US Winning? 2/10/2006. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/analysis/1051/1051_Crenshaw_US_War_Terrorism.pdf
5. *Lupsha P.* Explanation of Political Violence: Some Psychological Theories Versus Indignation // *Politics and Society* 2, N. 1. 1998. P. 89–104.